

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

© 2009 г. Г. М. Седова

Письмо отставного генерал-майора А.И. Пашкова князю В.М. Шаховскому, написанное на следующий день после смерти поэта, интересно как живой отклик современника на причины и характер разыгравшейся трагедии.

A letter written by a retired major general A.I. Pashkov to prince V.M. Shakhovskoy the day after Pushkin's death is important as a record of a spontaneous reaction of the poet's contemporary to the causes and nature of the tragedy.

Публикуемое письмо отставного генерал-майора А.И. Пашкова, адресованное князю В.М. Шаховскому, было написано на другой день после смерти Пушкина. Письмо хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) в фонде князей Шаховских¹. Оно написано по-французски орешковыми чернилами, местами выцветшими. Главную трудность при расшифровке текста вызвала беглость почерка автора письма и некоторая небрежность в написании им отдельных букв, в особенности диакритических знаков (их он нередко выносит за пределы написания букв, к которым эти знаки относятся); иногда он путает диакритические знаки, ставя акуты вместо грависов и наоборот. В своей скорописи автор подчас сливает слова воедино, не ставя между ними нужные пробелы. В ряде случаев автор письма выражается не совсем грамотно, пропускает запятые или ставит лишние. Складывается впечатление, что, как и большинство русских аристократов, он с детства был хорошо знаком с устным французским языком, а когда писал письма, то по привычке переносил устную речь на бумагу.

Ниже приводится расшифрованный французский текст письма и его перевод². Подчеркивания в тексте оригинала принадлежат автору письма. В случае сохранения ошибок или описок в письме в соответствующих местах ставятся пометы <sic!> (такая помета ставится и в случае написаний, непривычных для современной французской орфографии, но допустимых в то время), а в случае их исправления соответствующие фрагменты заключаются в угловые скобки. При этом все же было решено в приводимом ниже тексте никак не

отмечать неправильное слитное написание смежных слов, неправильную постановку диакритических знаков и лишние запятые, оставляемые на своих местах.

Reçu le 3 fevrier 1837

30 janvier 1837. Petersbourg

Bien cher Valentin, je viens de recevoir votre lettre du 26 en réponse à la mienne. – Je ne suis pas aussi coupable que vous le pensez. Car il me semble que je dois avoir dit dans ma lettre que j'envoie la copie du papier expédié au Губернское правление à Хохловъ pour vous le présenter. Aurais-je oublié de vous le dire? – Dans tous les cas le papier a été envoyé, à Хохловъ: en attendant s'il pouvait être arrivé qu'il ne l'aye pas reçu, je vous en envoie ci-joint un duplicatum. –

Ces Messieurs sont bien étranges de ne vouloir pas delivrer mon papier, le seul même, qu'il sont en devoir de me donner, car c'est la principale raison qui m'a fait desirer d'avoir un arbitrage. Car si ce n'était ma mère, je m'en eu serais parfaitement passé et je vous assure que je n'y aurais pas perdu. Enfin puisque vous avez eu la complaisance de bien demander à voir leur tâtonnement en affaire, j'attendrai le résultat de votre décision, étant persuadé d'un coup d'oeil juste que vous avez en général sur les affaires. Jusque là je patiente. –

Mon cher ami, votre position quoique bien cruelle a des chances encore. – Voyez autour de vous<:> que de chers et d'excellents Etres qui vous entourent, qui ne vivent que pour vous et par vous. Rendez grâce au Tout-puissant. On n'est pas encore le plus malheureux quand on a trois enfants et des soeurs comme vous en avez. Ce sont les amies si sincèrement dévouées, qui ont fait abnégation d'elles-mêmes pour vous, que vous êtes encore à mes yeux un être privilégié. – Certainement il y a des hommes qui sont dans votre position et qui ont des soeurs qui les aiment. Mais ces soeurs réunissent<:>elles autant de qualités éminentes que les vôtres<?> Je vous assure<,> cher Valentin, que vous n'êtes pas encore tout à fait malheureux. – Comparez

¹ НИОР РГБ. Шаховские/II. 29. 24. Л. 7–10 об.

² Выражаю свою глубокую признательность Л.А. Уткиной, Н.П. Воробьевой Н.В. Перцову, Е.Э. Разлоговой и И.А. Пильщикову за советы и помощь при расшифровке и переводе письма.

votre position à celle de la pauvre Mme Pouchkine. – Voilà l'affaire. Mr Dantès, à présent Heeckeren, est très assidu auprès de Mme Pouchkine. Alexandre Pouchkine, jaloux comme un affricain <sic!>, brutal à la maison, et tant aussi méchant dans ses procédés que sa langue l'était au dépend<s> des autres, croit avoir des raisons, de soupçonner sa femme. Il trouve un jour, Mr Dantès chez sa femme, dans un moment où il ne l'y attendait pas. Il lui fait des reproches. Je dois ici dire qu'en général, on dit qu'il n'y avait qu'imprudences de la part de Mme Pouchkine. J'arrive à le croire, car premièrement, que l'on a toujours le tems <sic!> de croire au mauvais côté. Et secondement, qu'il est fort facile aux hommes de perdre une femme, sans qu'elle l'aye le moins mérité. Revenons au fait. – Heeckeren, pour lui-même, ou pour Mme Pouchkine prétend que Mr Pouchkine le soupçonne injustement, car il n'était venu que pour demander la main de sa belle-soeur. Or, l'affaire s'arrange, le mariage a lieu. Tout était donc fini. L'honneur de la femme mis à couvert. Mais cependant comme le monde est méchant il s'est trouvé des gens qui ont fait l'infâme métier de les pousser l'un contre l'autre. On est venu dire à Pouchkine et on lui a envoyé des lettres anonymes <sic!> dans lesquelles on le prévenait que Heeckeren avait dit telle et telle chose sur lui et sa femme. A Heeckeren on venait dire que Pouchkine l'avait cherché à telle ou telle soirée pour lui donner un soufflet en présence de tout le monde. – Enfin Heeckeren a l'imprudence, à une soirée, d'aller faire un tour de Valse avec Mme Pouchkine et à souper d'aller lui porter une côtelette. Voilà que Pouchkine écrit une lettre à Heeckeren Père, si hors de mesure et si forte, qu'il a été impossible de ne pas en venir à un Duel. – Ils se sont batus <sic!> à 6 pas. Heeckeren a tiré le premier. Il a tiré juste. La balle est entrée dans l'estomac et est restée dans le corps. Pouchkine est tombé. – Mais il a exigé que Heeckeren reste à sa place et couché, il y a tiré, et l'a blessé au bras. – Enfin, Pouchkine, ayant ainsi perdu sa femme, est mort hier à trois heures après<->midi. – Voyez je vous prie la position de la pauvre femme avec 4 ou 5 enfants, perdue de réputation et dans quelle malheureuse relation au <mari> de sa soeur. – Car à présent, à qui peut on persuader, qu'il n'y ait pas eu de raisons biens fortes, pour que deux beaufrères <sic!> se battent à mort. – On prétend qu'il est mort en disant, que s'il en réchap<p>ait, il recommencerait encore et ne serait tranquille <sic!> que quand il aurait tué Heeckeren. Il n'est question que de cette malheureuse histoire. Toutes les dames en ont les nerfs dérangés. Les uns donnent tort à la femme, les autres à Pouchkine, les troisièmes à Heeckeren. Moi, je plains la pauvre femme, qui peut-être pour une imprudence est à jamais perdue. Pouchkine avec tout son esprit, n'a jamais eu, un brin de bon sens. – Mais en voilà assez sur ce sujet. –

Que Dieu conserve en bonne santé, vous et tous les vôtres. Embrassez vos chers enfants, parlez leur de nous, comme de vos vrais et dévoués amis, afin qu'ils nous connaissent depuis leur<s> jeunes années. – Mes

tendres amitiés à vos bonnes soeurs. – J'ai écrit à Cléopâtre depuis que je vous ai envoyé ma dernière lettre, je pense que j'aurai le bonheur de recevoir une réponse d'elle. Que Dieu veille sur cet être angélique! – Adieu, cher et excellent ami. Adèle réunit tous ses vœux aux miens pour tout ce que vous regarde tous.

Votre sincère ami

André Paschkof

Получено 3 февраля 1837

30 января 1837. Петербург

Любезнейший Валентин, я только что получил ваше письмо от 26 в ответ на мое. – Я не настолько виноват, как вы об том думаете. Ибо мне кажется, что я сообщил в своем письме, что высылаю копию бумаги, отправленной в Губернское правление Хохлову для передачи вам. Неужели я забыл сказать вам об этом? – В любом случае бумага выслана Хохлову: пока же, если случилось так, что он ее еще не получил, высылаю вам при сем дубликат. –

Странно, что эти Господа не хотят предоставить мою бумагу, ту единственную, которую они должны мне выдать, ибо это главная причина, вынудившая меня обратиться в суд. Если бы не моя мать, я бы великолепно без этого <без суда> обошелся, и уверяю вас, что ничего бы не потерял. Теперь, поскольку вы были столь любезны, что изъявили желание сами ознакомиться с их робкими попытками уладить дело, я ожидаю вашего решения, будучи уверен в вашей проницательности, которую вы всегда проявляете в делах. Покамест я терпеливо жду. –

Мой дорогой друг, при всей тяжести вашего <нынешнего> положения оно еще не безнадежно. – Посмотрите: сколько вокруг вас дорогих и прекрасных Существ, которые живут только для вас и только вами. Благодарите же Господа. Не столь уж несчастен тот, у кого есть три малыша и такие сестры, как у вас. Они столь дружески, столь искренне преданы вам, доходят во имя вас до такого самоотречения, что в моих глазах вы принадлежите к числу избранных. – Несомненно, есть люди, которые находятся в положении, подобном вашему, и у которых есть любящие сестры. Но есть ли у тех сестер столь же превосходные качества, как у ваших? Уверяю вас, дорогой Валентин, что вы еще не совершенно несчастны. – Сравните ваше положение с положением бедной Г-жи Пушкиной. – Вот как было дело. Г-н Дантес, ныне Геккерен, весьма настойчиво ухаживает за Г-жой Пушкиной. Александр Пушкин, ревнивый как аффриканец <sic!>, грубый в домашней жизни и столь же злобный в своих поступках, как и на язык, в ущерб окружающим полагает, что имеет основания подозревать свою жену. Однажды он застаёт Г-на Дантеса у своей жены в тот момент, когда он вовсе этого не ждал. Он высказывает

ему свое недовольство. Здесь я должен заметить, что, как по большей части говорят, это была всего лишь неосторожность со стороны Г-жи Пушкиной. Я склонен верить этому, ибо, во-первых, не следует сразу думать о людях плохо. А, во-вторых, так легко погубить репутацию женщины, даже если она менее всего этого заслуживает. Вернемся к делу. — Геккерен, ради себя самого или ради Г-жи Пушкиной, заявляет, что Г-н Пушкин его подозревает напрасно, поскольку он пришел лишь для того, чтобы просить руки его свояченицы. Итак, дело улаживается, свадьба состоялась. Тем самым все завершилось благополучно, честь женщины спасена. Однако, поскольку свет жесток, нашлись люди, которые взялись за подлое дело сталкивать их друг с другом. Пушкину стали наговаривать, посылали ему анонимные письма, в которых извещали его о том, что Геккерен говорил то-то и то-то о нем и о его жене. Геккерену же говорили, что Пушкин искал его на том или ином вечере, чтобы при всех дать ему пощечину. — Наконец, на одном вечере Геккерен имеет неосторожность провальсировать с Г-жой Пушкиной, а за ужином принести ей отбивную. И вот Пушкин пишет письмо Геккерену-отцу, столь сильное в выражениях и столь резкое, что от Дуэли уклониться было невозможно. — Они стрелялись на 6 шагах. Геккерен выстрелил первым. Он выстрелил точно. Пуля вошла в желудок и осталась в теле. Пушкин упал. — Но он потребовал, чтобы Геккерен оставался на месте и лежа выстрелил и ранил его в руку. — Погубив таким образом свою жену, Пушкин умер вчера в три часа пополудни. — Представьте, прошу вас, положение бедной женщины с 4 или 5 детьми, с потерянной репутацией и в таком злополучном положении по отношению к мужу сестры. — Кого ведь теперь убедишь, что не было серьезных причин для смертельного поединка между двумя свояками? — Утверждают, что он умер со словами что если поправится, то все начнет сначала и успокоится только когда убьет Геккерена. — Теперь повсюду только и говорят об этой несчастной истории. Все дамы в расстроенных чувствах. Одни считают виноватой жену, другие Пушкина, третьи Геккерена. Что до меня, то я жалею бедную женщину, которая, возможно, по неосторожности навсегда утратила репутацию. Пушкин, со всем его умом, никогда не имел ни капли здравого смысла. — Но довольно об этом. —

Храни вас Бог в добром здравии, вас и всех ваших. Поцелуйте ваших дорогих детей, расскажите им о нас как о ваших истинных и преданных друзьях, чтобы они нас знали с юных лет. — Нежные приветы вашим добрым сестрам. — Я написал Клеопатре после того, как отправил вам последнее письмо, надеюсь, что буду иметь счастье получить от нее ответ. Пусть Бог хранит это ангельское создание! — Прощайте, дорогой и пре-

красный друг. Адель присоединяется к моим пожеланиям во всем, что касается вас.

Ваш искренний друг
Андрей Пашков

Автор публикуемого письма Андрей Иванович Пашков (1792/3–1850) был примерно семью годами старше Пушкина; он принадлежал к кругу лиц из близкого светского окружения поэта. Старший из шести сыновей отставного подполковника Ивана Александровича Пашкова (1758/63–1828) и Евдокии Николаевны, урожденной Яфимович (1770/75–1838), он начинал службу в Кавалергардском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 г., а с октября 1819 г. он полковник лейб-гвардии Гусарского полка. В феврале 1826 г. Пашков вышел в отставку в чине генерал-майора, но в день коронации Николая I был пожалован в егермейстеры. Однако из-за неуживчивого нрава он был вынужден вновь оставить службу.

Пушкин был знаком с некоторыми из родственников автора письма, живущими в основном в Москве³. Во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге хранится шаржированное изображение Пушкина, выполненное неизвестным художником в 1820-х гг. На нем поэт показан уныло бредущим через бальную залу, склонив низко голову и прикрываясь веером. Следом, ухватив его за руку, семенит художная дама. Судя по подписи (“Александр Сергеевич Пушкин и Хвостова, р. Пашкова”), это старшая сестра А.И. Пашкова Мария Ивановна (1791–1862), жена отставного полковника А.А. Хвостова (1788–1855).

Пушкин мог знать младших братьев А.И. Пашкова, начинавших службу в Гусарском полку. У поэта и его друзей-лицейстов было немало знакомых среди офицеров-гусар. Считается, что Пушкин лично знал корнета Николая Пашкова (1800–1873/75), впоследствии известного исполнителя оперных партий и романсов, в том числе собственного сочинения. Его называли “московский Рубини” (по имени знаменитого итальянского тенора). С лицейских лет Пушкин мог поддерживать знакомство и с другими братьями Пашкова — Егором (1795–1862) и Сергеем (1801–1883). Последний скоро вышел в отставку в чине поручика и в 1830 г. женился на княжне Надежде Сер-

³ После кончины отца (в 1828 г.) А.И. Пашков затеял длительную тяжбу с матерью и братьями из-за отцовского наследства, которое не удалось поделить и после смерти матери. Не имея возможности примирить Пашковых, Государственный совет принял их спорное имение в опеку. Тем временем А.И. Пашков возбудил еще несколько судебных разбирательств, в которых также не добился успеха. Одно из них касалось владения междурудными заводами на южном Урале. В начале публикуемого письма говорится, по-видимому, об одном из таких процессов, в который оказались вовлечены мать автора письма и его адресат.

геевне Долгоруковой (1811–1880). Брат его супруги князь А.С. Долгоруков в конце января 1831 г. стал мужем юной Ольги Булгаковой, дочери московского почт-директора. 1 марта 1831 г. молодожены Долгоруковы, а также и Пушкин со своей молодой женой участвовали в проводах масленицы, устроенных в доме Пашковых на Чистых прудах. Были блины и санное катание. Поэт и его жена оказались в одних санях с хозяевами праздника, супругами С.И. и Н.С. Пашковыми, и их племянницей Евдокией (Додо) Сушковой, будущей поэтессой Ростопчиной.

В 1830-х гг. братья Пашковы жили в Москве, кроме автора публикуемого письма, который обосновался в столице, где проживали многие его родственники и свойственники. От них А.И. Пашков мог узнать подробности преддзельной истории Пушкина и Дантеса, которые изложил в своем письме. Один из их ближайших родственников – будущий генеалог Петр Владимирович Долгоруков (1816–1868), сын покойной сестры автора письма Варвары Ивановны Пашковой (1793–1816) и генерал-майора князя Владимира Петровича Долгорукова (1775–1817). По мнению некоторых современников, молодой Долгоруков мог быть причастен к составлению или распространению анонимных писем, появление которых едва не привело к поединку между Пушкиным и Дантесом в ноябре 1836 г. По сей день это обвинение остается недоказанным, но нет сомнения, что Долгоруков мог быть в курсе многих событий, которые привели к дуэли Пушкина с Дантесом. Обсуждал ли он эти темы со своим дядей А.И. Пашковым, остается неизвестным.

В своем письме Пашков упоминает о том, что все дамы из-за пушкинской истории пребывают “в расстроенных чувствах”. Возможно, он имел в виду тех близких ему светских дам, рассказы которых могли лечь в основу его повествования. При дворе в Петербурге жила его младшая сестра, фрейлина Александра Ивановна Пашкова (1798–1871). Рассказчик мог получить сведения о Пушкине и его последнем поединке как от сестры, так и через свою жену, ее родственниц и светских знакомых.

Женат Пашков был дважды. Вначале – на племяннице последнего фаворита Екатерины II – Екатерине Дмитриевне Зубовой (1801–1821). Когда она умерла от родовой горячки, он женился во второй раз на упомянутой в конце письма графине Адelaide Гавриловне Моден (1805–1844), дочери французского эмигранта, обер-егермейстера двора графа Гавриила Карла Людвиг Франциска (в России его называли Гаврила Карлович) Раймон-Модена (1774–1833) и Елизаветы Николаевны Салтыковой. Одна из своячениц автора письма графиня Александра Моден (1807–1839) была замужем за камергером Николаем Дмитри-

евичем Зубовым (1801–1871), братом первой покойной жены Пашкова. Другая свояченица, фрейлина графиня Софья Гавриловна Рэймон-Моден (1805–1884), в январе 1839 г. вышла замуж за адресата публикуемого письма князя Валентина Михайловича Шаховского.

Сестры Моден (третья из них – фрейлина Мария Гавриловна) были вхожи во многие аристократические и дипломатические салоны столицы, благодаря придворным связям их покойного отца. В частности, они бывали и в доме вюртембергского посланника князя Гогенлоэ-Кирхберга (1788–1859), жена которого Екатерина Ивановна, урожденная Голубцова (1801–1840), состояла в приятельских отношениях со многими известными литераторами пушкинского круга, в том числе с Жуковским, князем Вяземским, А.И. Тургеневым. В этом доме не могли не обсуждать события, связанные с поединком и гибелью поэта. Князь Гогенлоэ приходился родственником великой княгине Елене Павловне, горячо сочувствовавшей раненому Пушкину. Кроме того, посланник был дружен с французским послом Проспером де Барантом, который глубоко переживал трагическую кончину Пушкина и даже приходил к его гробу 29 января 1837 г. Сохранилось 7 депеш Гогенлоэ своему правительству с подробными донесениями о смерти Пушкина. Публикуя их, П.Е. Щеголев заметил: “Его сообщения выдаются из ряда других дипломатических донесений обилием любопытных подробностей, а главное – ясным сознанием абсолютной ценности и значения творчества Пушкина” [1, с. 356], чего в письме А.И. Пашкова мы не замечаем.

Неравнодушной к смерти Пушкина оказалась и упомянутая выше графиня Евдокия Ростопчина (1811–1858), дочь покойной сестры Пашкова Дарьи Ивановны (1790–1817). Девушка выросла в семье деда и бабушки И.А. и Е.Н. Пашковых (родителей автора письма). Зимой 1836 г. вместе с мужем графом А.Ф. Ростопчиным она переехала из Москвы в Петербург, где в доме на Дворцовой набережной открыла литературный салон. Брат поэтессы Ростопчиной вспоминал, что именно в ту зиму 1836–1837 г. произошло “более короткое сближение Евдокии Петровны с Пушкиным”. Поэт бывал на ее обедах вместе с Жуковским, князем Вяземским, А.И. Тургеневым, графами Виельгорскими, князем Одоевским и другими литераторами [2, с. VIII–IX, XIV]. Позднее П.И. Бартенев писал, что Пушкин обедал у графини Е.П. Ростопчиной за день до своего смертельного поединка. Ссылаясь на рассказ мужа графини, Бартенев утверждал, что в тот вечер Пушкин якобы “неоднократно убежал мочить себе голову, до того она у него горела” [3, с. 212].

Говорить о пушкинской истории автор письма мог и с другими своими родственниками, прожи-

вавшими в Петербурге. Среди них – дети его покойного дяди, обер-гофмейстера Василия Александровича Пашкова (1757/9–1834), и его супруги, кавалерственной дамы Екатерины Александровны, урожденной графини Толстой (1768–1835). Старший из них, Александр Васильевич (1792–1868), кузен и ровесник рассказчика, служил вместе с ним в лейб-гвардии Гусарском полку (1814–1817), участвовал в войне 1812 г. С 1828 г. он был женат на одной из знакомых Пушкина Елизавете Петровне Лобановой-Ростовской, урожденной Киндяковой (1805–1854), племяннице известной московской поэтессы Е.А. Тимашевой (1798–1881). Ее сестра Екатерина Киндякова с 1834 г. была женой еще одного знакомого поэта – старшего сына знаменитого героя Отечественной войны, полковника в отставке Александра Николаевича Раевского.

Другой кузен рассказчика – Михаил Васильевич Пашков (1802–1863), штаб-ротмистр вначале Кавалергардского (1815–1822, 1824–1826), затем лейб-гвардии Гусарского полка (с 1827 г.), был женат (с 1829 г.) на Марии Трофимовне Барановой (1803–1887), семья которой была близка ко двору и царской семье. В свое время дядя Марии Пашковой оказался товарищем детства Николая I, а родной брат Владимир дружил с цесаревичем Александром Николаевичем, рядом с которым вырос. Супруги Михаил и Мария Пашковы лично знали Пушкина, а в день кончины поэта, 29 января 1837 г., Михаил Пашков и его сослуживец поручик И.К. Ламберт рассказывали жене командира Гусарского полка Е.А. Соломирской (другой дочери московского почт-директора А.Я. Булгакова) “ужасную историю про Пушкина-писателя”. Речь шла о Дантесе и о том, как тот безуспешно продолжал ухаживать за Н.Н. Пушкиной даже после своей женитьбы на Е.Н. Гончаровой. Рассказчики и сама Е.А. Соломирская считали, что в Петербурге “все глубоко жалеют бедного Пушкина и бедную жену *de se cochon de Dantes* [свиньи Дантеса. – *франц.*]” [4, с. 73].

Очевидно, пушкинскую историю обсуждали в те дни и в салонах кузин автора публикуемого письма, старшая из которых, Татьяна Пашкова (1793–1875), была замужем за командиром Отдельного гвардейского корпуса, председателем Государственного совета Илларионом Васильевичем Васильчиковым (1776–1847). Средняя – Евдокия Пашкова (1796/7–1868) – жена графа Василия Васильевича Левашова (1783–1848), командира лейб-гвардии Гусарского полка (1815–1822, 1824–1826), с 1834 г. полтавского генерал-губернатора. Но наиболее осведомленной в этой истории могла быть семья младшей кузины Пашкова Елизаветы (1809–1890), жены давнего и близкого знакомого Пушкина и его друзей, одного из основателей литературного общества “Арзамас”, с

1832 г. министра юстиции, Дмитрия Васильевича Дашкова (1788–1839).

Адресат письма князь Валентин Михайлович Шаховской (1801–1850)⁴, по всей видимости, познакомился с Пушкиным в ту пору, когда тот находился в Одессе в южной ссылке. Шаховской состоял адъютантом при генерал-губернаторе Новороссийского края графе М.С. Воронцове (1823–1826). Одна из его встреч с Пушкиным зафиксирована 8 февраля 1824 г. в масонской тетради поэта среди текстов третьей главы романа “Евгений Онегин” (ПД, 834, л. 48 об.). В тот день Пушкин записал, что накануне ужинал у графини Е.К. Воронцовой, а ночь провел за карточным столом “с Ш.<аховским> и Син.<явиным>” и “проигрался” (оригинал по-франц.). Последний также был адъютантом графа Воронцова [5, с. 233].

Современники единодушно отмечали мягкость и чистосердечие князя Шаховского. Ф.Ф. Вигель писал, что он “был добрейший, благороднейший малый, весьма красивый собою”, но имел связи “с людьми, коих мнений, кажется, он совсем не разделял”. Мемуарист намекал на дружеские отношения князя с некоторыми из декабристов⁵. “Впоследствии, – продолжал Вигель, – если сие не погубило его, то много повредило его службе” [6, с. 171]. Одним из друзей Шаховского был также одесский знакомый Пушкина, будущий декабрист Петр Александрович Муханов (1799–1854). В январе 1825 г. Шаховской женился на сестре Муханова Елизавете (1803–1836), а вскоре и П.А. Муханов был помолвлен с сестрой Шаховского княжной Варварой Михайловной (? – 24.09.1836). До ареста декабриста молодые люди не успели пожениться, и поэтому княжна отправилась за женихом в сибирскую ссылку. В ожидании царского разрешения на брак она жила в Верхнеудинске, затем в Иркутске и Тобольске в семье своей сестры Прасковьи Михайловны Муравьевой (1788–1835), которая оказалась женой другого декабриста – А.Н. Муравьева (1792–

⁴ В.М. Шаховской – единственный сын бригадира князя М.А. Шаховского и его жены Елизаветы Сергеевны, урожденной Головиной (1769–1831). Помимо него в семье было еще две дочери. В 1820-х гг. по окончании училища колонновожатых начал службу в лейб-гвардии Конноегерском полку; с 1827 г. – адъютант при генерал-губернаторе Москвы князе Д.В. Голицыне; в течение нескольких трехлетий (1828–1837) избирался Волоколамским предводителем дворянства. Возможно, письмо Пашкова было получено им в родовом имении Белая Колпь Волоколамского уезда Московской губернии.

⁵ Среди участников декабристского мятежа оказался дальний родственник В.М. Шаховского – князь Федор Петрович Шаховской (1796–1829). Вместе с деверем Валентином Шаховского, А.Н. Муравьевым, он был одним из учредителей “Союза Спасения” (1816 г.) и “Союза Благоденствия” (1818 г.). Осужденный на вечное поселение по VII разряду (заменено 20 годами) с лишением чинов и званий, он отбывал наказание в Сибири, а в 1829 г. был переведен в Суздаль, где умер в Спасо-Евфимиевском монастыре.

1863). Известие о том, что позволения на брак не будет, сразило княжну, она заболела чахоткой, переехала с Муравьевыми в Симферополь, где умерла 24 сентября 1836 г. [7]. Через месяц после ее смерти, 23 октября 1836 г., скончалась и Елизавета Муханова, первая жена князя Шаховского. На руках мужа она оставила троих малолетних детей, младший из которых, Михаил, только что появился на свет.

В своем письме А.И. Пашков тепло отзывается о сестрах князя Шаховского. После кончины Прасковьи Муравьевой в живых оставалось шестеро княжон, сестер В.М. Шаховского. Три из них уже были замужем. Княжна Марфа Михайловна (1799–1885) стала второй женой декабриста А.Н. Муравьева, с семьей которого уже давно жила под одним кровом, разделяя тяготы ссыльно-поселенческой жизни. Старшая из княжон Екатерина (ум. в 1848 г.) была женой графа Мусина-Пушкина. Мужем княжны Марии (1790–1849) был помещик могилевской губернии М.К. Голынский. В 1836–1837 гг. эта семья жила в Симферополе.

Все замужние сестры, как могли, поддерживали брата. В архиве Шаховских сохранилась его обширная переписка с ними, свидетельствующая о дружеских отношениях, царивших в семье. Вместе с тем, рядом с братом еще оставались княжна Александра (1806–1864), которая только в 1837 г. стала женой начальника штаба 6-го Пехотного корпуса генерал-майора Николая Евгеньевича Лукаша (р. 1790), княжна Елизавета (1797–1877) и самая младшая из сестер – Клеопатра (1809–1883). Именно ее А.И. Пашков называет в своем письме ангельским созданием.

Автор письма, зная о печальных событиях, недавно произошедших в семье друга, пытается успокоить его, напоминая о том, что он не единственный человек на свете, переживающий тяжелую личную утрату. По мнению Пашкова, положение князя должно скрашивать присутствие маленьких детей и любящих сестер, о которых автор письма отзывается как о людях исключительных. По всей видимости, Пашков был лично знаком если не со всеми, то с некоторыми из княжон Шаховских. Не мог он не знать и о том, как повели себя Марфа, Елизавета и Клеопатра Шаховские, отправившиеся в 1834–1835 гг. в Вятку, где жила семья их старшей сестры Прасковьи Муравьевой. Для опального декабриста их приезд был большой моральной поддержкой. К тому же девушки разделяли его христианско-философские взгляды. Княжна Клеопатра жила у Муравьевых и в 1856–1861 гг., когда после амнистии бывший декабрист стал нижегородским губернатором.

А.И. Пашков рассказывает о дуэли и смерти Пушкина на основании тех слухов и домыслов,

которыми был полон петербургский свет в последние дни января 1837 г. Этим, а также поспешностью, с которой письмо было отправлено, по всей видимости, и объясняются некоторые неточности, касающиеся ряда конкретных деталей. Так, автор письма не знает, что противники стрелялись не на 6, а на 10 шагах, что Пушкин умер не в три часа пополудни, а в два сорок пять. Наконец, он не уверен, сколько детей осталось после смерти поэта, четверо или пятеро.

Вместе с тем, описывая ход поединка и некоторые эпизоды из преддуэльных событий, автор письма проявляет удивительную осведомленность. Он точен, когда говорит, что Дантес стрелял первым, что тот ранил Пушкина в живот⁶ и пуля осталась в теле, что Пушкин стрелял вторым, лежа на снегу, и попал своему противнику в руку. Он также верно пересказывает слова раненого Пушкина о том, что если он поправится, поединок будет возобновлен, хотя и относит эти слова к более позднему времени. Складывается впечатление, что сведения о ходе поединка автор письма почерпнул из источника, близкого окружению поэта (по крайней мере, не в многократном пересказе, когда рассказ имеет тенденцию обрастать нелепыми подробностями, сочиненными новыми рассказчиками).

Прослышав о роковом поединке, Пашков, следуя логике завсегдатаев столичных салонов, пытается отыскать причины конфликта в более ранних событиях, о которых уже было известно обществу. Изложенная в письме трактовка этих событий представляет интерес, поскольку не во всем совпадает с “канонической” картиной произошедшего. В те дни свет был полон разговорами о самом громком и известном эпизоде преддуэльных отношений Пушкина и семьи Геккеренов – недавней свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой. Как и многие в свете, автор письма полагал, что свадьба стала следствием неосторожности Н.Н. Пушкиной. По версии, изложенной в письме, жена поэта приняла Дантеса у себя в доме тогда, когда этого не следовало делать. Согласно этой версии, не новой в пушкиноведении, Дантес вынужден был просить руки Е.Н. Гончаровой, так как Пушкин застал его у себя в доме в неурочный час. Примерно так же история сватовства представлена и в малодостоверных поздних “мемуарах” полкового товарища Дантеса князя А.В. Трубецкого. В подобных рассказах (как и в публикуемом письме) не говорится ни о ноябрьском вызове Пушкина, ни об анонимном пасквиле, полученном поэтом и его знакомыми 4 ноября.

⁶ Автор письма употребил слово “желудок” вместо “живот”. Возможно, это более “приличное” слово могли употребить те дамы, со слов которых Пашков рассказывал историю дуэли.

А.И. Пашков упоминает анонимные письма только в связи с январской историей. Согласно представленной им хронологии событий, Пушкин стал получать такие письма уже *после* свадьбы Дантеса. Конечно, в данном случае рассказы о январских анонимных письмах могли оказаться отражением ноябрьской истории, более знакомой светским сплетникам, нежели январская. Но нельзя исключить и возможности получения Пушкиным подобных писем не только в ноябре, но и в январе.

Впервые в источниках пушкинского времени январские письма были упомянуты в военно-судном деле, где они представлены как причина, побудившая Пушкина написать оскорбительное письмо барону Геккерену. “Напоследок, 26 января сего года Пушкин по получении безымянных писем послал к отцу подсудимого... письмо...”, — читаем в материалах следствия [8, с. 141, 76 и др.]. П.Е. Щеголев, полагавший, что свидание на дому у Идалии Полетики произошло около 25 января, считал, что аноним известил поэта именно об этой встрече [1, с. 119]. Когда же С.Л. Абрамович высказала предположение, что свидание было не в январе, а намного раньше (2 ноября), казалось, что интерес исследователей к январским анонимным письмам угас.

Только Э.Г. Герштейн продолжала утверждать, что существовали как ноябрьские, так и январские письма, и путать их нельзя [9, с. 284–295]. Единственным исследователем, поддержавшим версию Э.Г. Герштейн, оказался И.С. Сидоров, который ввел в научный оборот неизвестные письма семьи Бакуниных, где, в частности, шла речь об анонимных посланиях, полученных Пушкиным накануне поединка. Исследователь заметил, что, таким образом, “существование январских писем представляется все-таки вероятным” [10, с. 132]. Здесь уместно упомянуть и замечание биографа Дантеса Луи Метмана, уверенного, что оскорбительное письмо Пушкина в адрес барона Геккерена стало следствием “многочисленных анонимных писем”, полученных поэтом от неизвестных авторов “злой интриги” [1, с. 333]. Однако Луи Метман писал свой очерк уже в XX веке по просьбе П.Е. Щеголева и мог использовать формулировки из опубликованного к тому времени военно-судного дела.

Тем не менее, публикуемое письмо, как и письмо сестер Бакуниных от 2 февраля 1837 г.⁷, может послужить еще одним поводом для размышлений о неизвестных нам сторонах преддуэльных событий и возможной роли в них январских ано-

нимных писем. Не об этих ли обстоятельствах писал впоследствии будто прозревший князь П.А. Вяземский: “Проклятые письма, проклятые сплетни приходили к нему со всех сторон” [11, с. 296]?

Автор публикуемого письма с уверенностью пишет о содержании январских писем. По его рассказу, их авторы передавали Пушкину слова Дантеса (“то-то и то-то”) о поэте и его жене. Возможно, в данном случае речь могла идти о тех казарменных каламбурах, которые шокировали свет и которые упомянуты в январском письме Пушкина барону Геккерену. О непристойных шутках кавалергарда, отпускаемых в адрес свояченицы, писала и Долли Фикельмон. Она считала, что Дантес “так скомпрометировал госпожу Пушкину <...>, что все ужаснулись...” [17, с. 145]. К тем же скабрёзным каламбурам Дантеса могла относиться и помета В.А. Жуковского в его конспективных заметках о дуэли и смерти Пушкина: “Le gaillard tire bien” (“Балагур метит метко”. — *франц.*) [1, с. 286].

Но мог ли кто-либо решиться непосредственно передать подобные “шутки” Пушкину? Конечно, безопаснее было сообщить о них письменно, а не устно, притом анонимно. Младшая дочь поэта Наталья Александровна рассказывала историку М.И. Семевскому: “Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно. Едва только друзья его В.А. Жуковский, кн. П.А. Вяземский успокоят отца моего, — он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение. Авторами писем мать моя всегда признавала кн. Петра Владимировича Долгорукова, которого называли *bancal* (кривоногий. — *франц.*), известного своею крайне дурной репутацией” [12, с. 127, 129]. Подчеркну, что Н.А. Пушкина считала Долгорукова автором не ноябрьских, а январских анонимных писем.

По мнению тех, кто информировал автора публикуемого письма, осведомленность и энергичность светских недоброжелателей поэта не знала границ. Они обратили свои взоры не только к Пушкину, но и к Дантесу. Последнего они предупредили о том, что поэт намерен нанести ему публичное оскорбление (дать пощечину). О таком намерении Пушкина рассказывала и княгиня В.Ф. Вяземская в письме к своей московской подруге в начале февраля 1837 г. Она утверждала, что перед тем, как отправиться на бал к графине Разумовской, Пушкин побывал в нидерландском посольстве. “Тщетно постучавшись в дверь всего семейства Геккеренов, он решил им дать пощечину, будь то у них (то есть на дому) или на балу. Они были предупреждены и не поехали туда” [13, с. 189]. Спустя много лет, муж приятельницы

⁷ В письме Пасковьи и Екатерины Бакуниных, адресованном сестре в Париж, вначале упомянуты ноябрьские письма, содержавшие “приглашение в общество обманутых мужей”, затем сказано, что после свадьбы Дантеса “продолжались письма” [10, с. 132].

Пушкина Н.М. Смирнов писал: “На бале у Салтыкова⁸ он хотел сделать публичное оскорбление Дантесу, который был предуведомлен и не приехал на бал, что понудило Пушкина на другой день послать ему письменный вызов и вместе с тем письмо к Геккерену, в котором Пушкин ему объявляет, что знает его гнусное поведение” [14, с. 236]. Таким образом, по свидетельству Смирнова, 25 января Пушкин собирался публично оскорбить Геккеренов. В противоречии с этими утверждениями оказывается рассказ княгини Вяземской о том, что в тот же понедельник вечером Пушкин виделся с Дантесом в ее доме, но не вступил с ним в разговор, а заметил, обращаясь к княгине, что дома кавалергарда ждет оскорбительное письмо к его отцу.

Московский почт-директор А.Я. Булгаков, внимательно изучавший все поступавшие через его ведомство письма о дуэли Пушкина, понял дело так, что поэт стал грозить Дантесу публичным оскорблением в случае, если тот уклонится от поединка. По его версии, угрозы Пушкина появились только в письме, обращенном к Геккерену-отцу. В нем, по словам Булгакова, Пушкин грозил, “что ежели <Дантес> не даст ему удовлетворения, то он ему и отцу его наплюет в глаза везде, где он их ни встретит, и что надеется иметь это удовольствие в тот же вечер на балу у графини Разумовской”. По этой причине, считал Булгаков, “Геккерен и Дантес на бал не явились” [15, с. 121]. Примерно в тех же словах Булгаков описал эти события в письме к своей дочери княгине О.А. Долгоруковой. Он сообщал ей, что “Пушкин написал Геккерену оскорбительное письмо” со словами: “Я надеюсь сегодня вечером на балу у гр. Разумовской дать вам блестящее доказательство моего презрения”, – и пообещал наплевать обоим в физиономию, если “они не явятся в условленное место на дуэль” [16, с. 224].

Таким образом, вырисовываются две версии, обсуждавшиеся в те дни в светских гостиных: по одной, Пушкин еще до того, как написал письмо посланнику, собирался публично оскорбить обоих Геккеренов и тем спровоцировать поединок. Так выглядит ход событий и в изложении

⁸ В данном случае в рассказ Н.М. Смирнова вкралась ошибка. Мемуариста не было в Петербурге, и он не мог точно знать, какое именно светское собрание имелось в виду. Салтыковы устраивали танцевальные вечера в своем доме на Малой Морской по вторникам. На одном из них 17 ноября 1836 г. было объявлено о помолвке Е.Н. Гончаровой и Ж. Дантеса. Однако во вторник 26 января бал был не у них, а у графини М.Г. Разумовской (на Большой Морской улице). На нем Пушкин беседовал с Оливье д'Аршиаком и Артуром Медженисом о возможном предстоящем поединке. Накануне, в понедельник 25 января, был большой бал у Мятлевых, устроенный в честь находившегося в те дни в столице брата императрицы принца Карла. Возможно, именно на этом собрании Пушкин собирался нанести кому-то из Геккеренов то оскорбление, о котором писали сведущие современники.

А.И. Пашкова. По другой версии, идущей главным образом от друзей поэта, – оскорбление было нанесено только в тексте письма, адресованного Геккерену. В любом случае, с точки зрения Пашкова, причиной гнева Пушкина стали подстрекательства “злых” светских людей. Об этих подстрекательствах рассказывал, много лет спустя, и секундант Пушкина К.К. Данзас: “в то время как друзья Пушкина и все общество, бывшее на его стороне, старались всячески опровергать и отклонять от него все распускаемые врагами поэта оскорбительные слухи, отводить его от встреч с Геккереном и Дантесом, противная сторона, наоборот, усиливалась их сводить вместе...” [1, с. 400]. Графиня Д.Ф. Фикельмон заметила, что неосмотрительные действия друзей поэта приводили к тем же результатам, что и усилия его врагов. Она записала в дневнике, что “общие друзья, весьма неосторожные, надеясь привести их к примирению или хотя бы к сближению, почти ежедневно сводили их вместе” [17, с. 145].

Автор публикуемого письма был уверен, что раздражение Пушкина вызвали не только разговоры Дантеса и анонимные письма врагов поэта. По его мнению, чашу терпения Пушкина переполнило поведение кавалергарда на балу, когда он посмел вальсировать с Н.Н. Пушкиной и затем угощать ее за ужином. Известно несколько упоминаний современников об этих событиях, которые обычно относят к балу у обер-церемониймейстера графа И.И. Воронцова-Дашкова. В записке о дуэли и смерти Пушкина, хранившейся в архиве княгини А.М. Горчаковой, урожденной княжны Урусовой, читаем: «23-го <января> был бал у Воронцовых. Г<еккерен-Дантес> следовал на нем за своей свояченицей, выступая в качестве ее визави в нескольких контрдансах⁹; наконец, он пошел с ней ужинать, и прошел перед П<ушкиным>, отпуская шутки по адресу г-жи де-Геккерен, которую он называл “<своей> законной”» [18, с. 245]. Примерно так же 30 января описывала ситуацию и С.Н. Карамзина в письме к брату в Париж: “Считают, что на балу у Воронцовых, в прошлую субботу раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом” [19, с. 167].

Много лет спустя, вспоминая о причинах поединка в письме племяннице, барон Густав Фризенгоф за давностью лет не назвал имени организаторов бала, но упомянул о тех же событиях: «В свое время мне рассказывали, что поводом <для написания Пушкиным письма> послужило слово, которое Геккерен бросил на одном большом вечере, где все они присутствовали; там находился

⁹ Французский вальс был разновидностью контрданса (франц. *contredanse*, от англ. *country dance*, буквально – деревенский танец).

буфет, и Геккерен, взяв тарелку с фруктами, будто бы сказал, напирая на последнее слово: “это для моей законной”. Слово это, переданное Пушкину с разъяснениями, и явилось той каплей, которая переполнила чашу» [20, с. 10, 11].

В публикуемом письме Пашкова не просто обозначен роковой ужин после бала, но впервые названо то блюдо, которое Дантес предложил свояченице. Если это в действительности была банальная отбивная, похоже, что самоуверенный кавалергард продолжал демонстрировать якобы особую короткость своих отношений с Н.Н. Пушкиной. При этом, по версии барона Фризенгофа, своей супруге Дантес подал более изысканное угощение – тарелку с фруктами. Тогда и прозвучала острота о “законной” жене. Правда, согласно воспоминаниям графа В.А. Соллогуба, на балу у Воронцовых кавалергард отпустил в адрес свояченицы “площадной каламбур” о мозольном операторе. Но Соллогуба в те дни не было в столице, и он рассказывал о событиях с чужих слов. В любом случае, что бы ни было сказано в тот вечер, высказывания Дантеса скоро стали известны Пушкину и вызвали бешеную реакцию с его стороны. Рассказ в письме А.И. Пашкова подтверждает слова Фризенгофа о том, что Пушкину передавали сказанное Дантесом “с разъяснениями” [20, с. 10, 11]. Нельзя исключать, что такая “передача” осуществлялась не только устно, но и посредством январского анонимного послания (или посланий?).

Публикуемое письмо представляет интерес не потому только, что в нем названы некоторые неизвестные или мало освещенные в литературе обстоятельства преддуэльной истории: январские анонимные письма, стремление Пушкина нанести публичное оскорбление Дантесу еще за несколько дней до поединка, наконец, роковой вальс и ужин, послужившие поводом для написания Пушкиным оскорбительного послания Геккерену...

Письмо написано “по горячим следам”, на другой день после кончины поэта, когда гостиные были раскалены от разговоров на тему дуэли. Многие современники (С.Н. Карамзина, князь П.А. Вяземский и многие другие) рассказывали, что в обществе по-разному оценивали поведение Пушкина и его противника. Дантес нашел в те дни немало защитников в свете, а у Пушкина отыскивались, как писала С.Н. Карамзина, “злые обвинители” [19, с. 171]. А.Я. Булгаков, анализируя почту, полученную в Москве, писал дочери 10 февраля 1837 г.: “В Петербурге две партии вполне определенные и крайне противоположные: одна – в пользу убитого противника, другая – в пользу того, кто пережил. Большинство, конечно, за первого <...>. Россия гордилась его талантом, и притом он был русский” [16, с. 226].

Пашков – один из немногих современников, сообщавший даже не о двух, а о трех “партиях”, образовавшихся в обществе. По его словам, в гостиных звучали упреки не только в адрес Дантеса и Пушкина, но и в адрес жены поэта. Фиксируя этот факт, рассказчик пытается обрисовать положение Н.Н. Пушкиной до и в особенности после поединка, заявляя, что в глазах света женщина легко может утратить свою репутацию, даже если она “этого менее всего заслуживает”. Выступая защитником жены поэта на этом светском судилище, Пашков упрекает ее лишь в неосмотрительности и неосторожности, повлекших светские толки и негативную реакцию Пушкина.

В связи с этим представляется любопытным свидетельство юного современника поэта – С.С. Корсакова, опубликованное в 1992 г. И.С. Сидоровым. 31 января 1837 г. Корсаков писал в своем дневнике, что за обедом у его дяди, управляющего III отделением А.Н. Мордвинова, вышел “весьма большой спор между <Николаем Васильевичем> Сушковым и Анд.<реем> Ник.<олаевичем> Муравьевым об Пушкине, который был смертельно ранен на дуэли с Дантесом”. “Первый утверждал, что жена Пушкина дурная женщина по особенным обстоятельствам, а другой, что она обошлась ветрено и что ее жалко” [21, с. 58].

Оценивая поведение Пушкина в этой истории, А.И. Пашков, хотя и отдавал должное уму поэта, но заметил, что он “никогда не имел ни капли здравого смысла”. Рассказчик убежден, что катастрофа произошла по вине самого Пушкина – из-за его неуживчивого характера и злобного, по определению Пашкова, языка. Здесь уместно вспомнить, что даже такой близкий Пушкину человек, как Жуковский, через несколько дней после смерти поэта, писал графу А.Х. Бенкендорфу: “Пушкин был выведен из себя, потерял голову и заплатил за это дорого. С его стороны было одно бешенство обезумевшей ревности; с другой стороны, напротив, был ветреный и злонамеренный разврат. Но до этого нет дела. Теперь хотят видеть в обществе две партии, из коих одна стоит за Геккерена, другая за Пушкина” [1, с. 224].

В тот же день, когда было написано публикуемое письмо, А.П. Дурново, урожденная княжна Волконская, писала матери о смерти Пушкина, также повторяя то, что говорили по этому поводу в свете: “Несчастный страстный характер покойного привел к тому, что он не мог перенести толков, которые ходили обо всем этом, и которые привели к вызову с его стороны и к катастрофе, которая за этим последовала”. Как и Пашков, Алина Дурново считала, что именно ревность Пушкина заставила Дантеса жениться на свояченице поэта: “Когда его <Пушкина – Г.С.> рев-

ность вспыхнула в 1-й раз, он был совсем ошеломлен, узнав о своем сопернике, что вместо того, чтобы думать о его жене, он в течение года был влюблен в ее сестру, девицу Гончарову. Пушкин сказал, что они будут помолвлены тотчас же". Дурново отметила и то событие на роковом балу, которое упомянуто в письме Пашкова, правда, об отбивной она не написала ни слова: "Впрочем, он <Пушкин – Г.С.> кое-как успокоился, но бешенство вновь охватило его, когда на балу он увидел Экерна, ужинающего рядом с своей свояченицей" [18, с. 240–242]. Выражая мнение большей части общества, А.И. Пашков утверждает в своем письме, что конфликт Пушкина с Дантесом стал следствием нескольких составляющих. Он указывает на неуживчивый характер поэта, на неосторожность Н.Н. Пушкиной, принимавшей настойчивые ухаживания Дантеса, наконец, на дерзкое поведение кавалергарда по отношению к свояченице в последние дни перед поединком. Вспоминая об этой дуэли, современники обычно называли те же психологические условия, выделяя из них то, что было им более по вкусу. А.И. Пашков, как и некоторые близкие поэту люди, обратил внимание еще на одно важное обстоятельство: негативная реакция Пушкина на поведение Дантеса была усилена и отчасти спровоцирована отношением окружающих, тех, кто как будто задался целью всячески раздражать Пушкина и подталкивать его к конфликту с Дантесом.

Как и многие люди его круга, А.И. Пашков не считал нужным говорить о том, кого потеряла Россия в лице Пушкина. Обращаясь к этой трагедии, он лишь предлагал своему другу сравнить его нелегкое положение вдовца с положением "бедной госпожи Пушкиной", которая представлена в письме не вдовой великого поэта, а обычной светской женщиной, потерявшей мужа и, возможно, репутацию, оставшуюся, подобно адресату письма, с малолетними детьми на руках. Завершая рассказ о смерти Пушкина, выражая сочувствие его вдове, А.И. Пашков напомнил адресату письма о том, в каком "злополучном положении по отношению к мужу сестры" оказалась Н.Н. Пушкина. Читая эти строки, князь В.М. Шаховской, очевидно, должен был услышать ответ на вопрос, заранее поставленный А.И. Пашковым в самом начале письма: а есть ли у других любящих сестер "столь же превосходные качества", как у княжон Шаховских?

Публикуемое письмо обращает нас к той части столичного общества, которое отнюдь не было

враждебно по отношению к Пушкину, но оставалось абсолютно безразличным к поэту как при его жизни, так и после смерти, расценивая случившееся с ним как обычную светскую историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. СПб., 1999.
2. *Сушков С.П.* Биографический очерк // *Ростопчина Е.П. гр.* Сочинения. В 2 т. СПб., 1890. Т. 1.
3. Русский архив. 1905. Кн. III. № 10.
4. Звенья. М.; Л., 1932. Т. 1.
5. *Левкович Я.Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб.: Наука, 1995.
6. *Вигель Ф.Ф.* Записки. В 2 т. М., 2003. Т. 1.
7. *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб.: Издание Н.Н. Муханова, 1910.
8. Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном: Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.
9. *Герштейн Э.Г.* Как это случилось // *Герштейн Э.Г.* Память писателя. Статьи и исследования 30–90-х годов. СПб., 2001.
10. *Сидоров И.С.* "Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон..." // Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы). М., 1989.
11. П.А. Вяземский – А.О. Смирновой. Февраль 1837 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2.
12. *Модзалевский Б.Л., Оксман Ю.Г., Цявловский М.А.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924.
13. Новый мир. 1931. № 12.
14. *Смирнов Н.М.* Памятные заметки // Русский архив. 1882. Т. I.
15. *Шумихин С.В., Юрьев К.С.* Из дневника московского почт-директора // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1991. Вып. 24.
16. Красный Архив. 1929. Т. II.
17. *Фикельмон Д.Ф.* Из дневника // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. СПб., 1998. Т. 2.
18. *Казанский Б.В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина (Из собр. П.Е. Щеголева) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1.
19. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.
20. *Гроссман Л.П.* Женитьба Дантеса. Новые материалы о дуэли Пушкина // Красная нива. 1929. № 24.
21. *Сидоров И.С.* Николай Александрович Мордвинов среди петрашевцев (по новым архивным материалам) // Освободительное движение в России. Саратов. 1992. Вып. 16.